

Киммерийские Афины

Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.

Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии З. Д. Давыдова, В. П. Купченко
М., "Правда", 1991
[OCR Бычков М.Н.](#)

I

В бронзовых смуглых горах, которыми разбежался по направлению к Феодосии крымский хребет, распласталась горсточка белых дач: Коктебель.

"Киммериян печальная область": сожженные, все в щелке и выветренных сланцах долины, костистые пики и цирки северных возвышенностей, изгрызанный вулканический массив Карадага, лесистый глобус Святой горы и напряженный гигантский трехгранник Сююрю с юга -- точно клочок лунной поверхности, упавший на землю. Геометрия и зной. И ветры с северо-востока, из Средней Азии, из Туранских пустынь.

Если пейзаж Малороссии -- идиллия и эклога -- пейзаж средней, дворянской, России, то коктебельские излоги и лукоморья -- героическая поэма.

Тысячелетнее бремя космических сил здесь вылилось наружу, оцепенело в напряженном равновесии. И припасть к разверстым недрам трагической земли так же отрадно, как омыться гексаметрами Гомера и сторгеть вместе с градом копьяносца Приама.

И Коктебель, как магнитные горы аравийских преданий, влечет к себе художников: мрамора, кисти, слова. В изломах окрестных хребтов покоятся профили: Жуковского, Пушкина, Северянина, Волошина, Гомера, Шиллера.

И сами улицы поселка окружены: "улица Тургенева", "улица Чехова". И белые домики принадлежат: Григорию Петрову, Максиму Горькому¹, поэтессе Аллегро -- П. С. Соловьевой, сестре Владимира Соловьева, Максимилиану Волошину. И каждое лето полны эти домики: Алексей Толстой, Мандельштам, Ходасевич, Городецкий, Шервашидзе, Богаевский, Евреинов, Шалапин, Гиппиус, Герцык, Гумилев, Парнок -- все побывали тут².

Коктебель -- республика. Со своими нравами, обычаями и костюмами, с полной свободой, покоящейся на "естественном праве", со своими патрициями -- художниками и плебеями -- "нормальными дачниками".

И признанный архонт этой республики -- Максимилиан Волошин. Хорошо в его скромном дворце. Вы поднимаетесь по легкой деревянной лестнице, где вас дружелюбно облаивает лохматый Аладин, и входите в башню-"мастерскую". Хоры вокруг стен, многоэтажная библиотека, пестрые драпировки вперемежку с акварелями и японскими эстампами, в глубокой нише-"каюте" -- гипсовая голова царевны Таиах, на многочисленных полках -- кисти и краски, куски базальта и фантастические корневища, выбрасываемые морем. Никого.

-- Сюда,-- раздаётся сверху голос.

Преодолеваете внутреннюю лестницу и входите в кабинет. Гипсовые Пушкин и Гоголь, маски Гомера, Петра, Достоевского, Толстого. Химеры с Нотр-Дам. И вновь книги. С уютной софы (их множество) подымается невысокий грузный человек. Темно-рыжие поседелые волосы, сдержанные ремешком, синий античный хитон, сандалии. Внимательные серые глаза. Из-под подрезанных усов -- нежный женский рот: Волошин.

Начинается беседа. Внимательно выслушивая партнера, принимая все его положения, Волошин незначительными поправками доводит его до согласия с собой. И тогда -- изумительный гейзер знаний, своеобразнейшие сопоставления и сближения; вырастает стройная система воззрений на мир, на человека, на искусство. Потом становится парадоксальной. И вы теряете отчетливое представление: серьезно ли говорят с вами? Из-под непроницаемой брони логики сквозит все время легкая усмешка.